

«Тэ ли лэ»

Логаэды стружит на скрипку,
Надрываючи тонкую кисть.
И фальшивя, кривит улыбку
От которой мне не спастись.

Менестрель с мертвым вынутым сердцем,
Потому что ему всё равно,
Что швыряет Вселенной сквозь скерцо,
Разливая по рюмкам вино.

Сел к роялю, вдруг сразу и статен.
Знал б, осанкой себя выдаёт.
Кружит Баха, но так неопрятен.
Веселится, флиртует, поёт.

Не запомнит, как каждой морщинкой
Изумлялась его рукам.
Как металась незримой песчинкой
В вихрях этих чарующих гамм.

Онебесил мандолу, по струнам
Прокатился, как звучный прибор.
Ах, зачем он такое придумал,
Веселить меня сольной игрой?

Мой убийца нарцисс-виртуозник,
Под дрожащие вены на бис
Спел на флейте восточную повесть,
И обрушил ниц самых кулис.

Хабанера до стоптанных туфель
Сквозь объятая до сдавленных плеч.
Его тающий греческий профиль,
И

моя

неуместная

речь...

«Взрослая»

Выжать из тряпки суть,
Соком раны омыть,
Чтобы осилить путь.
Но при этом не выть.
Вой привлечёт волков

Как тело нагое – мужчину.
За грубиной сосков
Не похоть, а страх и пучина.
Страхов её сума
– Сумма всех нет и да.
Не велика сама,
Но на плечах гига..
Нежится в теле кровь,
Ей хорошо без ран,
Без трагедий и драм.
С горем напололам.

«Аллитерация»

Будто сказка,
– Чёрная Лилия
В этих вздымленных,
Брошенных локонах.
Словно Пирра поэта Овидия
Над аральей в распахнутых окнах.

Чем внезапно была околдована?
Слаще крови любви просторечие.
Одурманена, стёрта, прикована
Взглядом в эти холодные плечи.

Мне же омутом этим предсказано,
Что с ума не сошедшее станется.
Что руками немыми наказана,
С пляской их разум с телом расстанется.

Кто не бился об эти бредни?
А я в саване из печали,
"Было лучше, когда намедни
Вы друг друга не замечали".

«Нравишься»

нравишься мне, как плеск
турецких манящих волн.
нравишься, как гротеск
без глубины и сторон.

нрависься, как стакан,
налитый горячим латте.
как безнадежный план
с пульсирующей константой.
нрависься, говорю!
похорони в уме,
в самом глухом краю
под букварём с плие.
под артефактом дна,
если отыщешь такой.
пусть это будет луна
под первой твоей луной.

«Я там услышала орган»

Он так смеялся, изнутри
Роилась исповедь. Молчаньем
Мерцались редкие штрихи,
И мир дышал его дыханьем.
Но он смеялся надо мной
Бездонным танцем мануала.
И реял призрачной волной
Пространство сквозь пустого зала.
В меня вонзался каждый звук,
Минор загробный. Тем звенело.
Мой самый преданнейший друг
Терзал моё пустое тело.
Лоскут металла флейтой стыл
В губах вселенского регистра.
И мир не умер, но застыл,
А я пропала очень быстро.

«Океаническое»

О, май, я буду океаном!
Кипящей пламенной волной
С прозрачным, пенным, гибким станом
Над этой вечной глубиной.

Смеясь над сушей из пучины,

Бестепел, буду леденеть.
Губить храбрейших без причины,
И на морозе индеветь.

Всем черным телом под светилы,
Зерцало-штиль, обсидиан,
Паду с безмолвием могилы,
Измучен, холоден и странн.

Вспенняя бурные потоки,
Тумана, солнца и грозы
Переплету шальные руки
В безумной пляске глубины.

И всё посмотрит с содроганьем
В мои спокойные глаза,
Как своенравно триумфальна
Очеловеченная мгла!

И кашалот с морской звездой,
Воздев шершавые тела,
Под самый купол, над волною
Со мной сыграют дотемна.

«Маленькая поэма об Авроре»

На пустом полярном поле,
Ночь дремучая, одна,
Очутилась поневоле,
Снежной мглой обнесена.
Мреть ревет и пляшет вьюга
Вдоль чернеющих равнин,
Ни врага кругом, ни друга
Только ветер-исполин.

Прочь из тела, как слепая,
Мочи нет, полунагой,
Только лампа масляная
Топит мрак передо мной.
Верно бесы всем безбожьем
Страшно взъелись на меня.

Ведь погубят, где ты, боже!
Дай вселенского огня!

То и верно, за ухабом
Бледный демон корчит лик,
Кружит ведьма над оврагом,
Страх мой множится, велик.
Или всё пустые тени?
В разум хлынул дикий сон?
Ближе...тише...на колени,
Вижу духов легион!

Потушила лампу, жмуся
К мертвой каменной земле.
За сугробом схоронюсь я
Синим телом в полумгле.
Нечисть кружит в беспределье
Хороводом мрачных лиц.
Рой за роем, тень за тенью,
Пляской голых дьяволиц.

Отовсюду безнадега,
Как пропасть уже не суть,
Не видна домой дорога.
Обнесен обратный путь.
Оступилась, провалилась,
Тьма окутала меня.
За мгновенье изменилась
Участь горькая моя...
Ни агоний, ни испуга.
Ночь полярная страшна.
Ни врага кругом, ни друга,
Смерть безмолвно подошла.
Только в небе, боже, боже,
Слишком поздно греться взору,
Ярким пламенем по коже,
Я увидела Аврору!

«Куда-то в Питер»

Дорогая, шути, улыбайся
Принимай все как есть на земле
И в печали тоскливой не майся
Не горкой о плешивой молве.
Их речей плесневелые соки
Испаряться под жаром огня
Только ты в подрывной суматохе
Не забудь про дрова.
Будь лучом, что смежая пространства
Прорывается сквозь темноту
И на той стороне постарайся
Не забыть ту подругу свою.
Хоть ни что не бывает на свете
Слишком важным на долгий час,
Ты на той стороне в сыром лете
Не забудь вспоминать о нас.
Хоть смеялись, и мир презирали,
И вдвоем не по той шли тропе,
Все же мы еще не потерялись
И не сбились в прямой ходьбе.
Так шути же, пока смеется
Над раскатистым полем дым
Ведь когда-то потом он уймется
И рассеется ветром простым.

«Чарльз Айвз»

Молодые-хорошие люди.
Диких трав
Одичалый луг.
Мертвецов
Солнца плач не разбудит,
Даже самый
Волнительный
Звук.
Хор надгробий
В пустом лесу
Шепчет свой
Безответный вопрос,

Можно я
Этот гроб понесу,
Пока взгляд их
Меня
Не

унёс?

«Мне нравится млеть от шума»

Мне снова мерещится холод
Могильных древесных пут.
Кому-то, кто ходит молод,
Кому-то, кого еще ждут.

Мне видятся мрачные грезы
Кладбищенских сонных степей,
Куда мы нырнем сквозь слезы
К обители вечной своей.

И я ненавижу думать
О той нелюдской тишине.
Мне нравится млеть от шума,
Пока я несусь по земле.